#

Этотъ аргументъ мало-убѣдительно: именно тѣмъ-то и благодѣтельна всякая безпристрастная критика, что она не допускаетъ никакихъ компромиссовъ... Кому много дано, съ того много и спрашивается: „Свободный“ театръ слишкомъ много заставилъ говорить о себѣ еще до начала своей дѣятельности, чтобы теперь благодушно замалчивать его промахи.

Узнавши, что его руководители задумали о восстановленіи старинной оперетки, всѣ поклонники ея искренно порадовались такому благому порыву... Въ самомъ дѣлѣ, въ наше „фарсовое“ время слишкомъ даже стало жутко отъ сценическихъ остротъ дешеваго сорта, отъ каррикатуръ безъ смысла, отъ разухабистыхъ вывертовъ фарсовыхъ лицедѣевъ, которымъ осталось только одно спасеніе—въ женской оголенности и въ мужской безцеремонности.

Всѣмъ намъ захотѣлось свѣжей атмосферы давно забытаго оффенбаховскаго жанра, въ которомъ царилъ благородство формы съ изящной музыкальной фразой веселой музыки... „Прекрасная Елена“ въ этомъ отношеніи была и остается особенно благодарнымъ произведеніемъ... И если бы „Свободный“ театръ съумѣлъ (а, прежде всего, захотѣлъ бы, разумѣется!) подойти къ этому произведенію безъ желанія мудрить и перемудрять, а единственно руководствуясь намѣреніемъ дать намъ подлиннаго Оффенбаха,—о, тогда были бы вполне извинительны неизбѣжныя промахи и недочеты „молодого дѣла“, которые постепенно, при дальнѣйшей работѣ, сгладились бы и утратили свою шероховатость... Но намъ дали не оффенбаховское произведеніе, а совершенно новую трактовку его, имитацию; вмѣсто брилліантовъ чистой воды — „тэт'овскіе“ брилліанты... Марджановъ и его присные полагаютъ, что публика приметъ эту имитацию, въ виду ея оригинальности, благодаря эффектной по замыслу планировкѣ пьесы; но въ этомъ отношеніи расчеты на публику не оправдались: въ ней оказались люди, не одобрившіе безцеремоннаго обращенія съ искусствомъ и желавшіе, чтобы новый театръ переоцѣнилъ свои взгляды на свою новую дѣятельность...

Къ этому нужно еще добавить, что свободное обращеніе „Свободнаго“ театра съ Оффенбахомъ и съ технической стороны было проведено съ большими „минусами“: тяжелая оркестровка, отсутствіе полнаго единенія сцены съ оркестромъ, неувѣренность артистическихъ силъ въ тонѣ исполненія—все это далеко не удовлетворило даже снисходительныхъ друзей „марджановщины“...